

Генерал Сергеев: «Придерживаюсь конкретных действий, а не пустозвонства!»

В.П.Анатолий Ипатович, расскажите, пожалуйста, об этапах карьеры, жизни...

А.С. Родился я в сороковом году прошлого века одиннадцатым ребёнком и единственным мальчиком в семье. Мать родила меня, когда ей было 50 лет. Поэтому, если современные молодые люди в 30 лет жалуются на здоровье - это неправильно (улыбается). Отец полностью прошёл гражданскую, первую мировую, финскую войны. В семь лет я пошёл в школу. Последние три класса, кстати, добирался до школы за 20 километров – в район. После школы в 59-ом году призвался рядовым в отдельный учебный 100-ый танковый батальон Белорусского военного округа, - на знаменитую станцию Заслоново. Закончил «учебку» сержантом. Затем поступил в дальневосточное танковое училище в Благовещенске. Приехали в совершенно спартанские условия: сопки, никаких заборов, одна казарма и столовая. Всё остальное мы делали сами, - учились обустроиваться. После «отличного» окончания училища – на одни «пятёрки» - у меня было право выбора округа. А самое дальнее, куда можно было уехать из Дальнего Востока, это Прибалтийский военный округ, - его-то я и выбрал, чтобы охватить всю страну. Местом службы стала 24-я учебная танковая дивизия 193-го учебного танкового полка. Я был командиром танкового взвода. Потом стал командиром учебного взвода, причём самым молодым. Другие командиры взводов занимали свои должности и по 15, и 18 лет, потому что некуда было подниматься, конкуренция в армии была огромной, продвижение крайне сложным. Поэтому в те году иногда тоже было так, что специально «зарубали» в «учебке», иные сами «уступали» должности. Но я перед комиссией сразу доложил, что не собираюсь уступать моим коллегам, служившим дольше меня. То есть, мои солдаты будут сдавать дисциплины в полную силу. И какая оценка будет, такая и будет. Это произвело шок. А я знал, что мои солдаты меня не подведут, - во всех нормативах у нас был запас в 30 секунд быстрее «отличного» времени. Ожидания оправдались, - взвод сдал на отлично, и меня назначили командиром роты. Через несколько лет написал заявление на поступление в Академию, и оттуда пришёл вызов. Три года проучился в Академии, закончил на «отлично» и был назначен на должность замкомандира полка и в 1973 году направлен в ГДР в 353-й гвардейский танковый полк, а затем – командиром 62-го гвардейского танкового полка. Ко времени моего

назначения он занимал последнее место , а через год моей работы место поменялось на диаметрально противоположное – первое (улыбается). А затем впервые мне пришлось отчитываться за прошедший год на военном совете. Пришёл с трясущимися руками, подготовил отчёты, цифры. И на первый вопрос комиссии, как я достиг таких результатов, ответил: «Работать надо», что было выше и ёмче всяких докладов, сотрясений воздуха... Я и по сей день придерживаюсь конкретных действий, а не пустозвонства.

Следующим этапом жизни было назначение начальником штаба 5-ой гвардейской танковой армии в Белоруссию. Оттуда меня и направили «за речку». Отлично помню этот день. На военном совете перед командующим Ивановским стоим мы – три начальника штабов. Следующую сцену вижу как сейчас:

«Сергеев, вот есть должность начальника штаба 40-ой армии. А у меня как в той сказке – три сына, только вот два из них отказались...ну как отказались, – нашли причины, что у них кто-то больной, что-то в жизни неладно...У тебя всё нормально?»

«Нормально» - отвечаю

«И дома никто не болеет?» - продолжает командующий

«Нет»

«И квартира есть?»

«Есть» - говорю, а сам живу на квартире у сослуживца...

«Ну и всё! Спасибо! А с вами – командующий Ивановский повернулся к двум другим начальникам – здороваться не буду!»

Я бы убился, если бы командующий со мной здороваться перестал...

И вот в 1983 году я полетел в Афганистан, заменив там Тер-Григорянца.

После службы в Афганистане меня назначили командующим 14-ой армией в Молдавию, затем - Одесским военным округом. А в 1991 году мне предлагают стать командующим Московским военным округом. Я спрашиваю, есть ли какие-нибудь альтернативы. Есть, говорят, - командующим Приволжско – Уральским военным округом... но, - добавляют, - провинция... Вот именно туда я и пойду! - отвечаю. И 26 августа я одним бортом с будущим губернатором Самарской области Константином Титовым прилетел сюда, в Самару. В последствии четырежды предлагали должность начальника Генштаба. Но я отказался.

В.П. Почему? Ведь высшие государственные синекуры...

А.С. По двум причинам. Во-первых: ситуация в провинции, по моему мнению, в те годы была более неустойчива, чем в столице. На моей ответственности было семь регионов. После распада Советского Союза каждая республика изображала из себя самостийную. А у меня тут: Башкортостан, Татарстан, Удмуртия, Чувашия, Мордовия, Республика Коми, Марий-Эл. И плюс семь областей, включая и Самарскую. Только в одном Татарстане было в то время пять движений, пропагандирующих отделение от России. После вступления в должность я сразу собрал представителей всех регионов и сказал: «Ребята, я здесь хозяин, и никакого разброда у нас не будет, - как держались, так и будем держаться вместе.» Во-вторых, в Москве мне не дали бы делать то, что нужно. То есть, главным образом, увольнять из Генштаба бездельников, наводить порядок. А раз я не смог бы этого сделать, то и браться смысла никакого не было... А в июне 2002 года вышел на пенсию.

В.П. Как изменялась ситуация в Афганистане на протяжении этих девяти с лишним лет?

А.С. В начале восьмидесятых годов ситуация была доброжелательной. Но вскоре всё стало меняться. И главная причина, на мой взгляд, следующая. Самым почитаемым

человеком в Афганистане был мула. Его слово было законом. И тогда неправильную тактику повели военные партийные советники. Они по советской модели принялись отделять духовную власть от государства, в данном случае - мечеть. Лишать её власти. Они не учли специфику мусульманского мира. Характерно, что впоследствии все бандформирования, как мы их называем, - а для восточных стран это народные движения, - возглавили мулы. Ведь это - самые грамотные, самые подготовленные теоретически и практически люди. Вы знаете, ведь в Афганистане даже не было паспортов, когда мы туда входили, - настолько сильна была духовная власть, приверженность традициям, сила авторитета духовенства, его превалирование над административностью. И вот постепенно война начала разгораться. Ну а решение о выводе, я считаю, было правильным. Война постоянно длиться не может. К тому же потери были очень значительны. Многие испортили здоровье. Взять хотя бы климатические условия: температура в тени, пусть даже 45 градусов по Цельсию. Так ведь тень там, как мы шутили, - только от собственных ушей.

В.П. Вы руководили Штабом в Афганистане.

А.С. Да. Мы создали Центр Боевого Управления, куда стекалась вся информация. В него входили представители всех войск. Включая представителей медицинской службы, а также афганской армии. В моём кабинете стоял диван, а к нему от телефонов, стоящих на столе, шли провода. Так что я немедленно реагировал на любую информацию. А спать...там никто не спал...

В.П. Насколько значительную роль играла в боевых действиях, в Вашей работе, практически ровесница века – военная контрразведка?

А.С. Про военную контрразведку могу сказать одно: и раньше, и сейчас она играет неотъемлемую роль в любом военном предприятии. Ведь прежде, чем что-то делать, надо проводить анализ ситуации, основываясь на фактах, на достоверной информации. Вот, к примеру, когда афганская армия предоставляла информацию – это одно. Где гарантия, что один кишлак просто не хочет силами советских солдат разделаться с другим кишлаком? И военная контрразведка внедряла своих людей в максимально близкое окружение к главарям банд.

В.П. Сейчас остро стоит проблема патриотизма. Что нужно предпринять для развития патриотизма в нашей стране?

А.С. Во-первых надо, чтобы то, что было сделано до нас, не было охаяно. Люди, которые прошли горнило войны, пусть и надломленные в психологическом плане, никогда не станут предателями. Никогда. А те, кто выдумывают клеветы на воевавших людей, похожи на собак – они лают, им дают кость, не будут лаять, - останутся без денег. Наша же задача преподнести подрастающему поколению примеры патриотизма наших предков, - не руководителей, а простых людей. Я всегда говорил, что служу не командирам и руководителям, а народу и Отчизне. Как мой отец. И как многие до него. Возьмём ситуацию в Грузии – Осетии. Кто доводил до людей правду о том, что там творилось? Простые люди, - журналисты. Рискуя жизнями, делали репортажи, информационные блоки с мест боевых действий. Не будь их, чем бы мы доказали, кто прав?

В.П. Что важнее на войне: Техника, люди или отстаиваемая идея?

А.С. Всё важно в совокупности. Не будь техники и мастеров, кто и чем будет воевать? А не будь идеи – кто будет рисковать, геройствовать и побеждать? Вот американцы – воюют за деньги, и, естественно, никогда не пойдут на риск.

В.П. Какой, на Ваш взгляд, должна быть социализация, адаптация людей, пришедших с войны в мирную жизнь?

А.С. Очень трудно перестраиваться на мирную жизнь...Нужно организовывать целые реабилитационные центры для людей, прошедших боевые действия. Это должны быть комплексные государственные программы. Не служивым трудно понять, что такое – прийти в мир после войны, огня, смертей. Я сам ещё полгода после Афгана кричал водителям при обгонах: «Сворачивай с обочины на дорогу!», - в Афганистане «душманы» повсеместно устанавливали мины на обочинах, и, входя в лес, – так называемую «зелёнку» - первым делом не наслаждался свежим воздухом и красотой природы, а напряжённо вглядывался в густые заросли...

В.П. Чем занимаетесь сейчас? Увлечения, хобби?

А.С. С шести лет у меня была «берданка» 32 калибра, с которой я ходил с отцом на охоту. С тех пор охота стала одним из главных увлечений в жизни. Но стреляю крайне редко.

В.П. Какое, по-Вашему, главное качество солдата?

А.С. Честно выполнять свой воинский долг. Вот главное и единственное, что важно в солдате.

В.П. Что хотели бы пожелать читателям?

А.С. Всегда оставаться человеком, независимо от рангов, чинов и регалий.

В.П. Большое спасибо за интервью, Анатолий Ипатович!

А.С. Всего доброго!

Беседовал Фахрутдинов Рафаэль.